

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9:93/99

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-127-133>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОР» В 1794–1917 гг.

© К.А. Гуров, И.П. Серебренников

Иркутский государственный университет,

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Аннотация. Статья посвящена трансформации смыслового наполнения термина «террор» на хронологическом отрезке от Великой Французской революции до начала XX в. Авторами проанализированы различные трактовки рассматриваемого термина, в том числе и рефлексивные. Рассмотрен процесс привнесения термина «террор» в контекст социально-политических отношений во время Великого террора во Франции. Среди существенных изменений термина отдельно выделена семантика оправдания террористических методов борьбы русских революционеров с самодержавной властью во второй половине XIX – начале XX в., даже в период отсутствия массового освободительного движения в стране. Освещены аспекты противоречивого отношения к теории и практике террора основных радикальных революционных партий и организаций начала XX в.: социалистов-революционеров, социал-демократов и анархистов. На основании данного анализа выделены основные вехи трансформации смыслового содержания термина «террор» в обозначенных временных рамках, сделан вывод об актуализации термина до революции в России 1917 г.

Ключевые слова: термин, террор, террористический акт, трансформация, информационный посыл, страх, ужас, идеология, дестабилизация, революция.

Формат цитирования: Гуров К.А., Серебренников И.П. Трансформация исторических смыслов понятия «террор» в 1794–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 127–133. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-127-133

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL MEANINGS OF THE CONCEPT OF “TERROR” IN 1794–1917

© K.A. Gurov, I.P. Serebrennikov

Irkutsk State University,

1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the transformation of the semantic content of the term "terror" on a chronological segment from the Great French Revolution to the beginning of the 20th century. The authors analyzed various interpretations of the term under consideration, including reflexive ones. The process of bringing the term "terror" into the context of social and political relations during the Great Terror in France is considered. Among the significant changes of the term, the semantics of justifying the terrorist methods of struggle of Russian revolutionaries with autocratic power in the second half of the XIXth and the beginning of the XXth century, even in the absence of a mass liberation movement in the country, is separately singled out. The aspects of the contradictory attitude to the theory and practice of terror of the main radical revolutionary parties and organizations of the early twentieth century: socialist revolutionaries, social democrats and anarchists are covered. On the basis of this analysis, the main milestones of the transformation of the meaning of the term "terror" in the designated time frames were identified, and a conclusion was made about the actualization of the term before the revolution in Russia in 1917.

Keywords: term, terror, terrorist act, transformation, information message, fear, horror, ideology, destabilization, revolution

For citation: Gurov K.A., Serebrennikov I.P. Transformation of the Historical Meanings of the Concept of “Terror” in 1794–1917. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 127–133. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-127-133

Считается, что термин «террор» вошёл в научный оборот во время Великой Французской революции (1789–1799 гг.), в определённый её период (5.09.1793 г. – 27.07.1794 г.), обусловленный массовыми казнями, и названный «Эпоха Террора» (la Terreur) (Люблинская, 1957. С. 150; Хоффман, 2003.). Выводы о возникновении термина именно в

данный период обоснованы тем, что впервые столкнулись лексическое значение слова с социально-политическими явлениями. Несмотря на то, что политика удержания власти с помощью устрашения или упразднение политических соперников силовыми методами известна издревле, данные явления не были актуализированы совместно с

термином «terror», а носили свои личные названия, что даёт право при рассмотрении террора как дефиниции не затрагивать периодизацию семантики термина ранее Великой Французской революции.

Хронологически первичным понимание содержания дефиниции «террор» следует считать трактовку М. Робеспьера. Конкретного толкования термина он не оставил, но в контексте его революционных публикаций и речей становится возможным вычленение сущностного содержания. Выступая в Конвенте 5 февраля 1794 г., он говорил: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества» (Манфред, 1965. С. 122). Отсюда следует вывод, что террор, в его представлении, средство крайнее и вынужденное, обусловленное необходимостью сохранения республики в борьбе с врагами революции, как внутренними, так и внешними. Само содержание политики террора было закреплено в декрете Конвента и Комитета Общественного Спасения от 17 сентября 1793 г., носящего название «Декрет о подозрительных». Документ предусматривал систему карательных мер, которым будут подвергнуты «подозрительные», т. е. лица, которые «своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании феодализма и враги свободы», лица, смещённые Конвентом или его комиссарами, бывшие дворяне, не доказавшие верности Республике, и лица, эмигрировавшие из Франции (Люблинская, 1957. С. 173). Другими словами – все, кто был готов представлять хотя бы косвенную опасность правлению якобинцев. Здесь уместно возвращение к буквальной трактовке термина «террор» – «страх и ужас» (Чудинов, 1894. С. 853), т. к. декрет, изданный Конвентом, направлен не столько на уничтожение контрреволюционных элементов, сколько на запугивание «недовольных революцией».

Великая Французская революция привнесла термин «террор», как сформировавшееся понятие с содержанием гораздо шире, чем изначальный

лексический смысл. В трактовке термина закрепилось значение политики систематического насилия и устрашения, чего ранее не было в социально-политических процессах предыдущих периодов, так как только в данных хронологических рамках эта практика оформилась в понятие. Понимание революционного террора, как метода устранения противников в контексте революционной борьбы, сопровождающегося созданием атмосферы страха в обществе, стало базисным для всех будущих теорий террора.

Следующей существенной вехой трансформации термина «террор» можно обозначить период 1860–1880-х гг. в Российской империи. Социально-политические движения, оформившиеся в представленных хронологических и территориальных рамках, были построены на парадигме террора, оформившейся в эпоху Великого Террора во Франции, но имели свою уникальную особенность. Их уникальность заключалась в том, что идеологическое обоснование применения такого метода требовало наличия «революционной ситуации». Другими словами, необходимо было открытое, выраженное недовольство широких масс населения государственной властью, чего в обозначенный период не наблюдалось. Польское восстание 1863–1864 гг. не ставило своей целью свержение монархического строя, а являлось национально-освободительным движением, поэтому оно не могло создать «революционной ситуации» (Айрапетов, 2013. С. 9). При таких условиях идеологическое обоснование террора как метода, оторванного от революционного процесса, не могло являться смыслодержущим, т. к. в контексте Великой Французской революции базис – именно в революционной борьбе.

Своё право на существование террор 1860–1880-х гг. нашёл в создании картины перманентной борьбы – история представляется как постоянная борьба угнетаемых и угнетателей, а так же появляется теоретическое начало революционной борьбы. Это находит своё отражение в одном из первых идеологических трудов террористического направления – прокламации «Молодая Россия» П.Г. Заичневского: «Россия вступает в революционный период своего существования...мы издадим один

крик: «в топоры», и тогда...бей «императорскую партию», не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам» (Будницкий, 1996. С. 28–31). На момент выхода прокламации в свет революционных событий в России не происходило, но с освещением «вступления в революционный период» методы террора стали актуальны, как и во время Великой Французской революции. К этому добавлялось наличие революционной героики, т. е. вознесения в культ деятелей борьбы против государственной системы. Образ декабристов, как жертв ужасного недопонимания государством общественных требований, превратился в мученический, якобинцы 1790-х гг. представлены как люди, стремящиеся к справедливости, и их методы уже не представлялись излишними. Более того, «...мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90-х годах» (Там же. С. 30). Помимо этого, в представленный период активно культивировался образ жертвенности героя, где герой-террорист «очищается от прежних грехов». Иначе говоря, «создается убеждение в его моральной неподсудности, что делает невозможной разрушительную для героики подполья мысль о том, что герой зачастую становится не только жертвой, но и убийцей. Для создателей мифа он всегда – агнец непорочный» (Горбунов, 2007. С. 11). Сама жертвенность террориста оправдывала его в глазах общественности, а государственную власть подчёркивала как палача и угнетателя. Примером может служить дело первой женщины-террористки Веры Засулич, которая покушалась на жизнь обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова с целью мести за несправедливое наказание А.С. Боголюбова. Приговором суда В. Засулич была оправдана, а в глазах общественности её образ стал героическим. А вот Ф. Трепов был осужден обществом, и в знак протеста вышел в отставку, т. к. считал, что суд и общественность поступили несправедливо (Борисова, 2015).

Двойкий взгляд на террор представил Лев Тихомиров – активный член народнического движе-

ния, сторонник террористических методов, в том числе и царубийства. В 1881 г. после удачного покушения на Александра II Л. Тихомиров написал письмо Александру III, в котором ярко подчёркивалась приверженность автора к террору: «...Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка» (Гинев, 1989. С. 331). Но в 1886 г. Л. Тихомиров резко изменил свой взгляд не только на террор, но и на революцию в целом, и стал ярким монархистом. Его переход из одного лагеря в другой революционные круги осудили, и к его критике террора, изложенной в одном из выпусков «Вестника Народной воли» 1886 г., отнеслись с осуждением (Смолин, 2004. С. 4)¹. Вероятно, такая рефлексия революционной субкультуры была вызвана тем, что Л. Тихомиров, в отличие от В. Засулич, несмотря на активную пропагандистскую и подготовительную работу, был более теоретиком терроризма, а следовательно, не попал в пантеон «героев-мучеников».

В XIX в. рефлексия различных социальных групп и институтов на террор претерпела больше изменений, чем во время Великой Французской революции. Помимо восприятия террора в системе «свой-чужие» (т. к. антитеррористические действия государственной власти так же могли быть расценены как террор «сверху»), со стороны системы управления государством террор был воспринят как криминальное преступление, что дало террору новый окрас противозаконной деятельности. Кроме того, восприятие радикальными кругами методики террора в некоторых случаях получило негативный окрас, как средства изначально лишнего в революционной борьбе. Вследствие становления образа террориста-героя, в обществе возникла симпатия к революционному террору, что обусловило положительную оценку не только метода, но и мифологического образа. Но таковая оценка сохранялась до убийства Александра II, после которо-

¹ Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2004. 22 с.

Smolin M.B. State legal ideas of L.A. Tikhomirov: Cand. histor. sci. syn. diss. St. Petersburg, 2004. 22 p.

го произошел спад популярности революционной идеи, что обусловило дальнейший её кризис.

До начала XX в. практика террора находилась в глубоком кризисе, практически всеми социальными слоями российского общества террор осуждался, романтизирование героя-террориста позволяло сохранять миф о «справедливых террористах» до убийства Александра II, но после образ уже сохранял негативный ареол. Но, в то же время, в леворадикальных кругах сохранялось принятие террора, как единственного, действенного пути к разжиганию революционного настроения масс. Несмотря на то, что агитационная работа одинаково высоко ценилась всеми политическими направлениями, террору отводилась роль «вершения справедливости», но до 1900-х, по большей части теоретическая. Ведь всего за период с 1860-х по 1900 гг. в результате террористических актов пострадало не более 100 человек, а это не такой большой показатель, с учётом того, что террористическая практика считалась основным методом политической борьбы «снизу» (Гейфман, 1997. С. 4).

На новом этапе социальная база сторонников метода террора расширилась. Если террор середины XIX в. был представлен, в основном, классом интеллигенции, то к началу XX в., вследствие ускорившейся капиталистической трансформации, в качестве «ущемлённых» оказалось немало людей низких слоёв, которые легко подвергались идеологической обработке радикальных групп. Это и вызывало основные изменения характера террора, следовательно, и рефлексию общественности, которая диктовала смысловое содержание термина.

Изменилась и цель информационного посыла в самом террористическом акте. Если в народно-вольческом движении информационный посыл терактом (ведь одна из основных функций террора – передача информационного посыла «страха и ужаса» какому-либо адресату) был направлен в сторону властных кругов, то в начале XX в. основным адресатом стало население Российской империи в целом. Широкой общественности от разных террористических организаций с различной идеологической направленностью передавался информационный посыл двух типов содержания. Первый заключал в себе призыв для революционного

подъема, так как он изобличал власть, как слабую и неспособную на самозащиту, а, следовательно, и неспособную сопротивляться волнениям народных масс. Своего рода агитационный приём. Второй посыл общественности обвинял власть, показывал, что государство не может никого защитить, не только себя, но и всё население, что в напряженной обстановке в стране виноваты исключительно правящие круги. Трансформация террора с приобретением последнего посыла впоследствии станет основной смыслодержательной информационной направленностью последующих видов терроризма, в том числе и современных.

С ростом радикальных групп увеличивалось количество программных трактовок террора, и поэтому градация его принятия была от крайне отвергающей, до единственно-возможной методики. Рассмотреть смысловое содержание термина в представленном контексте удобнее всего будет с трёх позиций: позиции социал-демократов, идеологии эсеров и анархистов. РСДРП, будучи внутренне разделена на два лагеря, – большевистский и меньшевистский, была едина в своей критике индивидуального террора эсеров, поскольку, в соответствии с теорией марксизма, развитие истории происходит через классовую борьбу, основным движущим элементом которой является возмущение народных масс, а не отдельных террористических групп. Но в то же время большевики, являясь более революционно настроенными, предполагали применение террора: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях», – писал В.И. Ленин в 1901 г. (Ленин, 1967. Т. 5. С. 7). Позднее, во время революционных событий 1905–1907 гг. В.И. Ленин призывал в интересах «революционной целесообразности» вести «партизанскую борьбу», которая по своему содержанию и состояла из террористических актов (Серебренников, 2002. С. 36)². Сторонники меньшевистского лагеря

² Серебренников И.П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.): монография. Иркутск: Изд-

отвергали террор как метод борьбы с самодержавием, несмотря на то, что Г.В. Плеханов в некоторые моменты предполагал использование данного метода, основное их течение не выходило из русла противостояния террору, заданного Ю. Мартовым (Там же. С. 37).

Партия социалистов-революционеров, считавшая себя приемниками «Народной воли», принимала террор как один из основных методов, так как в соответствии с их идеологией развитие истории должно проходить не только через борьбу народных масс, обусловленную экономическим развитием, но ещё и при помощи борьбы личности в истории (Памятная книжка социалиста-революционера, 1911. С. 1–2). Эсеры подчёркивали, что их террор являлся сугубо политическим, и направлен только против государственной власти, другими словами, в обывателях они не видели мишеней. Также террор не являлся самоцелью, он был всего лишь одним из методов борьбы с государственной властью и «революционирования народных масс».

Информационный посыл, вызываемый самим террористическим актом, имел несколько характеров. Во-первых, наведение «страха и ужаса» на властные структуры, во-вторых, как следствие первого, принудить их к уступкам, и в-третьих, – обезопасить самих террористов от правительственных репрессий (Аликина, 2013. С. 233). Но информационный посыл был направлен и в общество. Каждый террористический акт, каждый арест или казнь были агитацией за дело революции, способ распространения своих взглядов. (Будницкий, 1996. С. 201–202).

В идеологии анархизма всеми силами приветствовали террористическую тактику. Несмотря на то, что один из главных теоретиков анархизма П.А. Кропоткин не оставил прямых высказываний о терроре, ограничиваясь только замечаниями о том, что террор неизбежный спутник революции, поэтому его не стоит критиковать, анархистские тече-

ния и стали прародителями методики современного террора (Будницкий, 2000. С. 241). Ведь террор именно анархистского направления впервые поменял содержание информационного посыла террористического акта, направленного на широкие слои общества. Террор анархистов стал сеять страх и ужас уже не столько в умах властных кругов и правоохранительных органов, сколько в сердцах простых людей, порождая у последних чувства незащищенности. Рост анархического террора начался с 1905 г. всплеском не только политических убийств, но и провокационных террористических актов, таких как взрывы бомб в трамваях, парках, ресторанах, так же беспорядочной стрельбой в толпы людей, чтобы создать панику и давку. И всё это ради создания большего хаоса, способного уничтожить «старый мир» и стать силой для порождения нового. Сами анархисты называли эту методику «пропаганда действием», но в дальнейшем, из-за слабости идеологической аргументации необходимости случайных жертв, она приобрела название «безмотивный террор» (Randell D. Law, 2009. P. 90).

Базируясь на данном анализе можно сделать вывод, что термин «террор», зарождавшийся в античном мире, с момента введения его в оборот для обозначения политических действий за период революционных трансформаций на европейском континенте претерпевал существенные изменения своего смыслового содержания. Приобретая политическое направление информационного посыла акта свершения террора во время Великой Французской революции, сам термин стал означать не просто «страх и ужас» в своём изначальном лексическом значении, а адресную направленность данных состояний конкретной цели, выбранной террористами. Применяемый в политическом контексте, термин «террор» стал восприниматься как метод устранения политических противников, сопровождающийся атмосферой страха и ужаса. Тогда же термин приобрёл негативный окрас, как средство излишне жестокой политики государства, борющегося за сохранение своих ценностей и политических свобод. Позднее, во второй половине XIX в., термин «террор» был воспринят русским революционным сообществом, которое несколько

во Иркутского государственного педагогического университета, 2002. 144 с.

Serebrennikov I.P. Revolutionary terror in Eastern Siberia (1900 – February 1917): a monograph. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State Pedagogical University, 2002. 144 p.

изменило его сущность путём мифологизации революционных идеалов. Несмотря на то, что данный период не являлся революционным, термин оставался в контексте революции, т. к. теоретическое оправдание революционного метода вне революционных процессов выразилось в двух теоретических подходах. Первый содержал в себе представления о «перманентной революции», что доказывало актуальность террора на любом хронологическом отрезке. Второй был выражен обозначением отправной точки теоретического начала революции. В новом виде термин стал иметь значение как метод физического устранения представителей государственного аппарата, сопровождающийся жертвенностью субъекта террористического акта, и несущим информационный посыл политическим кругам, имеющий своей целью создать атмосферу

страха и ужаса у адресата. Несмотря на то, что убийством Александра II террор на некоторое время дискредитировал себя как метод, смысловое содержание значения термина не изменялось до начала XX в. В начале столетия возникли новые типы представителей террористических движений. Что повлекло неизбежную трансформацию смыслового содержания термина «террор». Трансформация заключалась в том, что информационный посыл поменял вектор направления с «преимущественно власти» на «преимущественно народу», что превратило террор в средство массовой агитации, а так же в том, что возникла новая концепция «немотивированного террора», которая закрепилась в исторической памяти как способ не только политической, но и общественной дестабилизации.

Статья поступила 13.10.2017 г.

Article was received in October, 13, 2017

Библиографический список

Айрапетов О.Р. Царство польское в политике империи 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2013. Т. XV. 536 с.

Аликина Ю.И. Социалисты-революционеры и террор // Вестник Красноярского педагогического университета. 2013. № 2 (24). С. 232–235.

Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 576 с.

Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135) URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/11b.html> (Дата обращения: 3.09.2017)

Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

Гинев В.Н., Цамутали А.Н. «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.

References

Airapetov O.R. The Kingdom of Poland in the Politics of the Empire in 1863–1864. *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2013, vol. XV, 536 p. (In Russian).

Alikina Yu.I. Socialist-Revolutionaries and Terror. *Vestnik Krasnoyarskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2013, no. 2 (24), pp. 232–235. (In Russian).

Budnitskii O.V. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in documents, biographies, studies]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996. 576 p.

Budnitskii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX – early XX century.)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 399 p.

Borisova T. “Necessary defense of society”: the language of the trial of Zasulich. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary observer], 2015, no. 5 (135). (In Russian). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/11b.html> (Accessed September, 3, 2017)

Geifman A. *Revolutsionnyi terror v Rossii 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1997. 448 p.

Ginev V.N., Tsamutali A.N. “Narodnaya volya” i “Chernyi peredel”: *Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg.* [“Narodnaya Volya” and “Black redistribution”: Memoirs of participants in the revolutionary movement in St. Petersburg].

Горбунов Ю.С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11–15.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1967. 550 с.

Люблинская А.Д. Прицнер Д.П., Кузьмин Ж.Н. Очерки истории Франции. Л.: 1957. 369 с.

Манфред А.З. Рогинская А.Е. Шуваева Ф.Б. Максимилиан Робеспьер: избранные произведения в трёх томах. Т. 3. Наука. М.: 1965. 318 с.

Памятная книжка социалиста-революционера. Выпуск 1. 1911. 82 с.

Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1028295/3/Hoffman_Terrorizm_vzglyad_iznutri.html (Дата обращения: 26.08.2017)

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. С-Петербург : издание книгопродавца В.И. Губинского, 1894. 989 с.

Randell D. Law Terrorism: a History Cambridge, Mel-den: Polity Press, 2009. 364 p.

Сведения об авторах

Гуров Константин Александрович, аспирант кафедры истории и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: love_family@bk.ru

Серебренников Игорь Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: ipser73@yandex.ru

Критерии авторства

К.А. Гуров, И.П. Серебренников выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

burg in 1879–1882]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. 415 p.
Gorunov Yu.S. The origin of terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2007, no. 17, pp. 11–15. (In Russian).

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow: Politicheskoi literatury Publ., 1967. Vol. 5. 550 p.

Lyublinskaya A.D. Pritsner D.P., Kuz'min Zh.N. *Ocherki istorii Frantsii* [Essays on the history of France]. Leningrad, 1957. 369 p.

Manfred A.Z. Roginskaya A.E. Shuvaeva F.B. Maksimilian Robesp'er: izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh [Maximilian Robespierre: selected works in three volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1965, vol. 3. 318 p.

Pamyatnaya knizhka sotsialista-revolutsionera [A Memorable Book of the Socialist-Revolutionary]. Iss. 1. 1911. 82 p.

Khoffman B. Terrorism – a view from within. (In Russian). Available at: http://www.e-reading.by/chapter.php/1028295/3/Hoffman_Terrorizm_vzglyad_iznutri.html (Accessed August, 26, 2017)

Chudinov A.N. *Slovar' inostrannykh" slov", voshedshikh" v sostav" russkago yazyka* [Dictionary of foreign words, included in the composition of the Russian language]. S-Peterburg: izdanie knigoprodavtsa V.I. Gubinskago Publ., 1894. 989 p.

Randell D. Law Terrorism: a History Cambridge, Mel-den: Polity Press, 2009. 364 p.

Information about the authors

Konstantin A. Gurov, Graduate student of the Department of History and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, 1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: love_family@bk.ru

Igor' P. Serebrennikov, Candidate of Science (History), associate-professor of the Department of History and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, 1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: ipser73@yandex.ru

Attribution criteria

Gurov K.A. and Serebrennikov I.P. made research work, based on the obtained and generalized results, prepared the manuscript and documents for printing, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.